АЛЕКСАНДР ВАЛЕРЬЕВИЧ ЖАРКОВ

18+

КОСТЁР ГАСНЕТ ПОСЛЕДНИМ

Роман о летнем лагере,
который помнит лишнего ребёнка

18+

МОСКВА · 2026

Александр Жарков

КОСТЁР ГАСНЕТ ПОСЛЕДНИМ

https://litres.ru/74721528
SelfPub; 2026

Аннотация

Лето 2025 года. Заброшенный пионерлагерь «Чёрная Речка» снова открывает ворота — теперь для пятнадцати трудных подростков. Вожатый Геннадий Петрович, медсестра Тамара Ильинична, лес, река и котельная, которая не остыла за сорок лет.

Каждую ночь у старого костра ребята рассказывают страшные истории. К утру одна из них сбывается. Двенадцать пар обуви. Мокрое полотенце на берегу. Голос в радио. Шестнадцатая тень на фотографии.

Четырнадцать ночей. Четырнадцать историй. Пятнадцать рассказчиков. И кто-то, кто слушает внимательнее всех.

«Костёр гаснет последним» — роман о лагере, который помнит каждого, кого не отпустил.

Содержание

Записка, найденная в костре 6
Правила лагеря «Чёрная Речка» 7
Часть первая. Приняты 8
Ночь первая. Котельная 11
Ночь вторая. Четвёртый корпус 33
Ночь третья. Река 51
Конец ознакомительного фрагмента. 58

Александр Жарков
КОСТЁР ГАСНЕТ ПОСЛЕДНИМ

Александр Валерьевич Жарков

КОСТЁР ГАСНЕТ ПОСЛЕДНИМ

Четырнадцать ночей лагеря «Чёрная Речка»

Роман

18+

Москва · 2026

Литературно-художественное издание

Александр Валерьевич Жарков

КОСТЁР ГАСНЕТ ПОСЛЕДНИМ

Четырнадцать ночей лагеря «Чёрная Речка»

Роман

18+

Иллюстрации созданы по мотивам рисунков Тимура.

© Александр Валерьевич Жарков, 2026

Все права защищены. Любое использование материалов без разрешения правообладателя запрещено.

Москва · 2026

Считалка

Раз, два — за рекой трава.
Три, четыре — дверь открыта.

Пять, шесть — кто-то есть.
Семь, восемь — тихо просим.
Девять, десять — нас не взвесить.
Одиннадцать, двенадцать — не оборачиваться.
Тринадцать, четырнадцать — костёр гаснет последним.
А кто его тушил — тот и расскажет.
детская считалка, записанная в Костромской области

Аннотация

Лето 2025 года. Заброшенный пионерлагерь «Чёрная Речка» снова открывает ворота — теперь для пятнадцати трудных подростков. Вожатый Геннадий Петрович, медсестра Тамара Ильинична, лес, река и котельная, которая не остыла за сорок лет.

Каждую ночь у старого костра ребята рассказывают страшные истории. К утру одна из них сбывается. Двенадцать пар обуви. Мокрое полотенце на берегу. Голос в радио. Шестнадцатая тень на фотографии.

Четырнадцать ночей. Четырнадцать историй. Пятнадцать рассказчиков. И кто-то, кто слушает внимательнее всех.

«Костёр гаснет последним» — роман о лагере, который помнит каждого, кого не отпустил.

18+ · Роман · Подростковый ужас

Записка, найденная в костре

Если вы это читаете, мы уже уехали. Или нет. Не знаю.

Меня зовут Тимур. Мне тринадцать. Я плохо говорю, когда страшно, поэтому рисую. Здесь четырнадцать ночей. Я записал все. Не по порядку. Как получилось.

Не приезжайте сюда. Не ищите. Просто прочитайте и передайте кому-нибудь. Им нужно, чтобы их истории рассказывали.

Если дочитаете до конца — не рассказывайте вслух. Особенно последнюю. Она ещё не закончилась.

Правила лагеря «Чёрная Речка»

Вывешены на двери третьего корпуса. Написаны от руки. Восемь пунктов. Девятый зачёркнут.

01 После отбоя не ходить к реке. Вода в темноте не остывает.

02 Не входить в четвёртый корпус. Он закрыт не потому, что опасен. Он закрыт, потому что помнит.

03 Не считать окна. Их всегда столько, сколько нужно.

04 Если из леса позовут по имени — не отвечать. Особенно если голос ваш.

05 Не топить котельную. Она сама знает, когда ей гореть.

06 Не оставлять обувь за порогом. Ночью её могут надеть.

07 Если увидели на берегу сложенное полотенце — не трогать. Оно сухое только с виду.

08 Не рассказывать истории после того, как костёр погас. Он ещё слушает.

Часть первая. Приняты

Мы приехали, потому что нас списали. Нас приняли, потому что здесь считают иначе.

Он шёл туда сам. Иначе бы не дошёл.

Ночь первая. Котельная

Не топи котельную. Она сама знает, когда ей гореть.
Правило пятое

ДЕНЬ ПЕРВЫЙ

Автобус шёл по грунтовке сорок километров, и все сорок Ксюша считала.

Сначала она считала сосны. Потом ямы. Потом — сколько раз автобус тряхнуло так, что у Ани стукнули зубы. Насчитала шестьдесят три. На шестьдесят четвёртом Аня опять закашлялась, долго, надсадно, прижимая ко рту рукав, и Ксюша сбилась.

Она не стала начинать заново. Просто закрыла глаза и стала считать вдохи. Один. Два. Три. На вдохе пахло бензином, нагретой резиной и чем-то ещё, тяжёлым, сладковатым, вроде старой мебели. Так пахло в квартире у матери, когда та забывала вынести мусор.

Двенадцать. Тринадцать. Четырнадцать.

— Ты чего шепчешь? — спросила Аня.

— Ничего. Считаю.

— Что считаешь?

— Всё.

Аня посмотрела на неё своими огромными, всегда немного влажными глазами и ничего не сказала. Она была младше

Ксюши на год, но выглядела на одиннадцать: худая, с тонкой шеей, с ключицами, которые выпирали, как ручки чемодана. В лагере она оказалась потому, что участковый написал «нуждается в оздоровлении», а мать Ани посчитала, что это бесплатные три недели без ребёнка. Ксюша знала это потому, что Аня сама рассказала — в первую же ночь, в автобусе, когда все делали вид, что спят.

Автобус вынырнул из леса, и лес сразу кончился, будто кто-то выдернул пробку.

Впереди был забор. Бетонные плиты, серые, в потёках, с колючей проволокой поверху. За забором — крыши. Три длинных корпуса, четвёртый, приземистый, в стороне. Труба котельной, кирпичная, с косой трещиной у основания. И над воротами — выцветшая арка, на которой ещё читалось: «ЧЁРНАЯ РЕЧКА».

Буква «Ч» облупилась так, что стала похожа на «Р».

— Приехали, — сказал водитель и выключил двигатель.

Тишина была такая, что зазвенело в ушах.

— Добро пожаловать, — сказал Геннадий Петрович.

Он стоял у ворот, широкий, в камуфляжных штанах и линялой чёрной футболке, с термосом в руке. Лицо у него было кирпичное, обветренное, с белым шрамом через бровь. Он не улыбался. Смотрел на автобус так, будто пересчитывал.

Ксюша тоже посчитала. Пятнадцать подростков. Два взрослых. Один водитель. Один автобус. Четыре корпуса. Одна труба. Один забор.

Много всего по одному.

— Вылезаем, — сказал Геннадий Петрович. — Не спешим. Тут некуда спешить.

Первым вышел Дэн. Он всегда выходил первым, будто проверял, не заминировано ли. За ним — Штырь, с рюкзаком на одном плече, с сигаретой в зубах, хотя курить на территории было нельзя. Потом Валя, старшая, с косой до пояса, она сразу стала пересчитывать девчонок, как наседка. Лёха выбрался и потянулся так, будто приехал на курорт. Рустам обошёл автобус и присел, глядя на трубу. Паша поднял камеру и щёлкнул. Марго вышла последней, в наушниках, с опущенным капюшоном, и сразу отошла в тень забора.

Тимур вышел девятым. У него был рюкзак больше него самого и альбом под мышкой. Он посмотрел на трубу, потом на лес, потом на Ксюшу. Ксюша кивнула. Он не кивнул в ответ. Просто запомнил.

— Так, — сказал Геннадий Петрович. — Слушайте сюда. Я повторять не буду. Смена у вас особенная. Это не санаторий. Это лагерь. Здесь работают, едят и спят. Всё остальное — по желанию.

— А драться? — спросил Штырь.

— По желанию, — сказал Геннадий Петрович. — Но потом придётся объяснять мне. А я объясняю плохо.

Штырь хмыкнул.

— Телефоны, — продолжил Геннадий Петрович. — В ящик. Связи тут нет. Совсем нет. Не ищите. Кто спрячет —

отберу вместе с симкой.

Он поставил на землю пластиковый ящик из-под овощей. Внутри уже лежало несколько зарядок, перепутанных, как змеи.

— Тамара Ильинична, — сказал он.

Из-за его спины вышла женщина.

Ксюша потом долго не могла понять, что в ней было не так. Белый халат, белые волосы, забранные в пучок, белая кожа. Не старуха. Но и не молодая. Лет сорок? Пятьдесят? Восемьдесят? Лицо гладкое, а глаза — нет. Глаза были старые, как у человека, который очень долго не спал.

— Тамара Ильинична, — сказал Геннадий Петрович. — Медпункт. Все вопросы по здоровью — к ней. Все вопросы по голове — тоже к ней. Она умеет.

Тамара Ильинична улыбнулась. Улыбка у неё была хорошая, тёплая, и от этого становилось ещё хуже.

— Кто кашляет? — спросила она.

Аня подняла руку.

— Подойди ко мне после обеда, — сказала Тамара Ильинична. — Я тебя послушаю.

— У неё бронхит, — сказала Ксюша.

— Я послушаю, — повторила Тамара Ильинична, не глядя на Ксюшу.

Она смотрела на Аню. И улыбалась.

— Правила, — сказал Геннадий Петрович и кивнул на стену корпуса.

На стене, под навесом, висел ламинированный лист. Восемь пунктов. Кто-то напечатал их крупно, а потом, судя по потёкам, обвёл фломастером по трафарету.

Настя подошла первой. Она прочитала вслух, нараспев, как бабка в деревне читала заговоры:

— Первое. После отбоя не ходить к реке. Вода в темноте не остывает.

Штырь засмеялся.

— Второе. Не входить в четвёртый корпус. Он закрыт не потому, что опасен. Он закрыт, потому что помнит.

— Это как? — спросил Паша.

— Третье, — не обращала на него внимания Настя. — Не считать окна. Их всегда столько, сколько нужно.

Ксюша вздрогнула.

Она уже посчитала. По дороге, пока автобус ехал вдоль забора. Тридцать девять окон в первом корпусе, тридцать девять во втором, двадцать два в третьем. И в четвёртом — двенадцать. Всего сто двенадцать. Но когда автобус въехал в ворота и повернулся, в четвёртом корпусе стало тринадцать.

Она не стала пересчитывать.

— Четвёртое, — сказала Настя. — Если из леса позовут по имени — не отвечать. Особенно если голос ваш.

— А если не ваш? — спросил Егор.

— Тогда тем более, — сказала Настя.

— Пятое. Не топить котельную. Она сама знает, когда ей гореть.

Геннадий Петрович смотрел в сторону.

— Шестое. Не оставлять обувь за порогом. Ночью её могут надеть.

— Бред, — сказал Штырь.

— Седьмое. Если увидели на берегу сложенное полотенце — не трогать. Оно сухое только с виду.

Аня тихо засмеялась, потом закашлялась.

— Восьмое, — закончила Настя. — Не рассказывать истории после того, как костёр погас. Он ещё слушает.

Наступила тишина.

В лесу, за забором, какая-то птица крикнула три раза. Потом ещё три. Потом замолчала.

— Всё? — спросил Дэн.

— Всё, — сказал Геннадий Петрович. — Размещаемся. Мальчики — первый корпус. Девочки — второй. Столовая — третий. Четвёртый — не ваш. Котельная — тем более.

— А если мы есть хотим? — спросил Егор.

— Столовая в шесть, — сказал Геннадий Петрович. — Кто опоздал — тот не голоден.

Он развернулся и пошёл к воротам. Термос качался в его руке, как маленький колокол. У самой калитки он остановился и сказал, не оборачиваясь:

— И ещё. Ночью тут темно. Не ходите по одному. Не потому что опасно. Потому что я не люблю искать.

Он ушёл.

Тамара Ильинична ещё немного постояла, глядя на них,

потом повернулась и пошла к медпункту. Белый халат мелькнул между деревьями и пропал.

— Ну и дыра, — сказал Штырь.

— Мне нравится, — сказал Лёха.

— Тебе всё нравится, что бесплатно.

— Мне нравится, что тут нет связи. Никто не позвонит.

Он сказал это весело. Но Ксюша заметила, как у него дёрнулась рука — к карману, где раньше лежал телефон.

Она посчитала: четырнадцать человек уже пошли к корпусам, а один стоял на месте. Она сама.

Пятнадцать.

Значит, всё пока сходится.

ВЕЧЕР

Столовая пахла хлоркой и старой кашей.

Так пахнут места, где много лет кормили людей и мыли полы, не жалея воды. Краска на стенах облупилась крупными чешуями, и под ней был другой слой, зелёный, а под зелёным — ещё один, голубой. Как будто лагерь красили каждый год в новый цвет, чтобы не было видно, какой он на самом деле.

Кормили перловкой с тушёнкой. Тушёнки было мало, перловки — много. Ксюша ела медленно, считая ложки. Одна. Две. Три. На пятой она почувствовала, что сыта, и отодвинула тарелку.

— Не нравится? — спросила Валя.

— Нравится.

— Тогда ешь.

— Не хочу.

Валя посмотрела на неё, как на больную. Валя была из тех, кто всё делает правильно: ест до конца, убирает за собой, заправляет кровать, не опаздывает. Её отправили сюда за драку — она сломала нос парню, который трогал её сестру. Сестра была младше на шесть лет. Валя до сих пор считала, что сломала мало.

— Надо есть, — сказала Валя. — Тут кормят по часам. Будешь голодная.

— Я утром поем.

— Утром будут давать то же самое.

— Тогда тем более.

Валя вздохнула и забрала её тарелку. Она всегда забирала чужие тарелки. Ксюша подумала, что Валя, наверное, будет хорошей матерью. Потом подумала, что её собственная мать вряд ли когда-нибудь забирала чужую тарелку.

За столом напротив Дэн рассказывал что-то Штырю, и Штырь ржал, запрокинув голову. У Штыря был громкий смех, как у человека, который привык, что его слышат. Лёха сидел рядом с Тамарой Ильиничной и что-то ей говорил, а она кивала. Марго ела одна, в углу, не снимая капюшона. Тимур рисовал в альбоме, заслонив его локтем. Паша щёлкал камерой — на всех, кроме Марго. Аня сидела рядом с Ксюшей и кашляла в салфетку.

— Почему ты всё время считаешь? — спросила Аня.

— Привычка.

— А что ты считаешь?

— Разное.

— А меня посчитала?

Ксюша посмотрела на неё.

— Тебя — первой.

Аня улыбнулась. У неё не хватало одного зуба — молочного, но она говорила, что потеряла его в драке. Ксюша знала, что это неправда. Зубы у Ани выпадали сами, потому что она мало ела и много болела.

После ужина был «час адаптации» — так это называлось в бумагах. На деле нужно было разобрать старые матрасы в третьем корпусе и перенести их в первый. Матрасы были тяжёлые, пыльные, с тёмными пятнами, происхождение которых никто не хотел уточнять.

— Трудотерапия, — сказал Штырь, таща матрас по земле. — Типа мы тут исправляемся. А чё исправлять? Я и так нормальный.

— Ты нормальный, — согласился Дэн. — Как ядерная зима.

Штырь бросил матрас и толкнул Дэна в плечо. Дэн толкнул в ответ. Они стояли друг напротив друга, тяжело дыша, как два пса, которые ещё не решили, драться или нет.

— Хватит, — сказала Валя. — Таскайте.

Они нехотя разошлись.

Ксюша несла свой матрас с Аней. Матрас был старый, ват-

ный, и внутри что-то шуршало. Аня всё время останавливалась и кашляла.

— Давай я сама, — сказала Ксюша.

— Я могу.

— Я знаю, что можешь. Давай я сама.

Аня отпустила матрас. Ксюша взвалила его на спину и понесла. Он был не тяжёлый. Просто неудобный. Как многие вещи в жизни.

На обратном пути она увидела Тамару Ильиничну.

Медсестра стояла у тропинки, которая вела к реке. В руках у неё было ведро и маленькая лопатка. Она что-то закапывала — быстро, привычно, как садовник сажает луковицы. Ксюша остановилась.

Тамара Ильинична подняла голову и посмотрела прямо на неё. В темноте её лицо было белым пятном, а глаза — двумя дырами.

— Не смотри, — сказала она. — Иди.

Ксюша пошла.

За спиной стукнула лопатка о землю. Ещё раз. Ещё.

НОЧЬ

Отбой был в одиннадцать.

Геннадий Петрович прошёл по коридору, проверил, закрыты ли окна, и ушёл в свою комнату в третьем корпусе. Через десять минут в его окне погас свет.

А ещё через десять минут в комнате девочек началось движение.

Первой встала Настя. Она натянула куртку поверх пижамы и сказала шёпотом:

— Пошли.

— Куда? — спросила Лиза.

— В котельную.

— Там же нельзя.

— Поэтому и интересно.

Ксюша лежала с открытыми глазами. Она не собиралась идти. Потом подумала, что если останется, то будет считать трещины на потолке. Она уже насчитала семь.

Она встала.

Их было шестеро: Настя, Валя, Лиза, Соня, Марго и Ксюша. Аня спала — или делала вид, что спит. Ксюша накрыла её одеялом повыше.

Котельная стояла за столовой, приземистая, кирпичная, с трубой, уходящей в темноту. Дверь была приоткрыта. Внутри было тепло.

Не так, как бывает тепло в комнате. Тепло было живое, тяжёлое, оно лежало на плечах, как мокрая шерсть. В центре стояла печь — большая, чугунная, с открытой дверцей. Внутри было темно. Пахло золой, ржавчиной и чем-то ещё, сладковатым.

— Никого, — сказала Лиза.

— Ага, — сказала Настя. — Никого.

Они сели на пол. Ксюша считала: шесть девочек. Потом в дверях появились тени. Мальчики. Дэн, Штырь, Лёха, Ру-

стам, Паша, Егор, Гриша. И Тимур.

— Вы чего тут? — спросил Дэн.

— Греемся, — сказала Настя. — А вы?

— Тоже.

Дэн подошёл к печи и заглянул внутрь. Потом отступил.

— Холодная, — сказал он. — Совсем.

— А в комнатах тепло, — сказала Соня. — Батареи горячие. Я трогала.

— Значит, топят где-то ещё, — сказал Рустам.

— Где?

Рустам не ответил. Он смотрел на трубу, которая уходила в потолок.

— Ладно, — сказал Штырь. — Чё сидим? Давайте истории рассказывать. Как в детстве.

— В детстве? — переспросил Лёха. — Ты в детстве истории рассказывал?

— А чё? Я много чё рассказывал.

— Ты в детстве, наверное, сразу грабил.

— Пошёл ты.

— Тихо, — сказал Дэн. — Давайте. Только уговор: не для того, чтобы понтануться. А по-настоящему. Кто что знает про это место.

— А что про него знать? — спросил Егор. — Лагерь как лагерь. Дыра.

— Ты поэтому сюда приехал? — спросил Дэн.

Егор замолчал.

— Я начну, — сказал Дэн. — Только не ржите. Это не моя история. Это история лагеря. Мне её рассказал один дед на остановке, когда я из дома сваливал. Он спросил, куда я еду. Я сказал: в Чёрную Речку. Он посмотрел на меня так, будто я ему сказал, что еду в могилу. И говорит: «Печку там не топи. Она сама».

Он сел на перевёрнутый ящик, поближе к печи. В темноте его лицо стало резким, скуластым, взрослым.

— Короче, — сказал он.

ИСТОРИЯ

Это было в семьдесят восьмом году.

Тогда лагерь ещё работал круглый год. Зимой тут жили дети из неблагополучных семей, «санаторного типа», как говорили в бумагах. На деле — просто сваливали тех, кому некуда было деться на каникулы.

В котельной работал мужик, Семён Семёнович Кулагин. Семёныч. Ему было пятьдесят четыре, но выглядел он на семьдесят. Пил он всё, что горит, и ещё немного того, что не горит. Но печь знал лучше, чем собственную жену. Говорили, что он мог на слух определить, когда пора подкинуть угля, а когда — прикрыть поддувало.

В младшей группе был мальчик. Илья. Восемь лет. Тихий, маленький, всегда в одной и той же серой куртке, застёгнутой не на те пуговицы. У него были холодные руки. Всегда. Даже летом. Воспитательница говорила: «Илья, ты как лягушка». А он не обижался. Он вообще не обижался. Просто

смотрел и молчал.

Мать у него работала в медпункте. Молодая ещё женщина, белая, как молоко. Он к ней не ходил. Почему — не знаю. Может, она ему не разрешала. Может, ему не разрешали.

А в котельную он ходил.

Семёныч его пускал. Сажал на ящик у печи, давал кружку с чаем. Чай был чёрный, как дёготь, и сладкий до того, что сводило скулы. Илья пил и грелся. Семёныч с ним не разговаривал. Просто сидел рядом и смотрел в огонь. Так они и сидели: мужик, мальчик и огонь.

А потом Семёныч запил.

Не так, как обычно, — по-чёрному. Три дня не выходил из котельной. Печь не топил. В корпусах было холодно, дети спали в куртках, воспитательница ругалась, но идти к нему боялась. Говорили, что он в последнее время разговаривал с печью.

На четвёртый день она всё-таки пошла.

Дверь была открыта. В котельной стоял холод. Семёныч сидел на полу перед открытой дверцей печи. В печи было пусто. Он смотрел внутрь и говорил:

— Я даю. Я даю. Ты только не проси больше.

Воспитательница спросила: «Семён Семёнович, что вы делаете?»

Он повернулся к ней. И сказал — она потом всем рассказывала, а ей никто не верил:

— Она просит. Я ей даю, а она просит ещё.

В ту ночь Илья не вернулся в корпус.

Его искали три дня. Лес, река, все корпуса, даже четвёртый, который тогда ещё был открыт. Ничего. Ни куртки, ни следов, ни тела. Как будто мальчик вышел из мира и закрыл за собой дверь.

Семёныч после этого не пил. Совсем. Он ходил в котельную каждую ночь — не топить, а просто сидеть. Говорил с кем-то. Его слышали. Он говорил: «Я знаю. Я помню. Я не уйду».

А через месяц его нашли мёртвым.

Он сидел на табурете перед печью. Дверца была открыта. В печи было холодно, зола — серая, мёртвая. А сапоги Семёныча были полны горячей золы. До самого верха. И вокруг печи — маленькие босые следы. Детские. Они шли по кругу. Много-много раз.

Милиция приехала, посмотрела, написала «несчастный случай». Потому что надо же что-то написать.

Печь после этого разобрали. Сложили новую. Трубу прочистили. Всё как надо.

Но с тех пор каждый год, в ночь на четырнадцатое ноября, в котельной появляется пара детских ботинок. Маленьких, на шнурках. Полных золы. Тёплой.

И если их надеть — из трубы слышно, как кто-то шепчет твоё имя.

Один раз дым из трубы пошёл не вверх, а вниз. Внутрь. Как будто кто-то вдохнул.

Дэн замолчал.

Печь стояла перед ним — чёрная, холодная, с открытой дверцей. Внутри было темно.

— И чё? — спросил Штырь. — Печка мальчика съела?

— Не съела, — сказал Дэн. — Запомнила.

Настя сидела, обхватив колени. Она не смеялась. Она вообще не смеялась с того момента, как Дэн сказал «Илья».

— Моя бабка другое рассказывала, — тихо сказала она. — Что туда не мальчик ходил. А девочка. И не в семьдесят восьмом. Раньше. Гораздо раньше.

— Когда? — спросил Лёха.

— Когда деревня была.

Все посмотрели на неё.

— Какая деревня? — спросил Рустам.

— Чёрная Речка, — сказала Настя. — Здесь до лагеря деревня была. Её в войну сожгли. Всех, кто в ней был, — тоже. А место осталось. И оно до сих пор хочет, чтобы ему рассказывали.

Наступила тишина.

Ксюша посчитала: четырнадцать человек. Пятнадцатая — Аня — спала в корпусе. Но теней на стене было пятнадцать.

Она не стала считать ещё раз. Просто посмотрела на пятнадцатую тень. Тень была большая, шире, чем любая из них. Она лежала на стене за печью, и в ней не было ничего особенного.

Просто тень.

— Ладно, — сказал Штырь. — Хорош. Пошли спать.

Они встали. И в этот момент в дверях появился Геннадий Петрович.

Он стоял без фонаря, в темноте, и Ксюша не сразу поняла, что это он. Лицо у него было серое.

— Вы что здесь делаете? — спросил он тихо.

— Греемся, — сказал Дэн. — Вы же сами сказали: тут тепло.

— Тепло — не значит можно.

Он посмотрел на печь. Долго. Потом отвёл взгляд — быстро, как отводят глаза от человека, которому должны денег.

— По местам, — сказал он. — Живо.

Они пошли. Ксюша выходила последней. У двери она обернулась.

Геннадий Петрович стоял перед печью. Он не смотрел внутрь. Он смотрел на пол.

На полу был пепел.

И в пепле — следы. Маленькие, босые. Они вели к печи.

УТРО

Ксюша проснулась в шесть, когда за окном было ещё серо.

Она оделась тихо, чтобы не разбудить девочек, и вышла. На улице пахло росой и дымом. Дым тянул от котельной.

Она не собиралась туда идти. Но ноги сами повернули.

У котельной стоял Геннадий Петрович. В руках у него была метла. Он заметал пепел — аккуратно, как заметают сле-

ды.

Ксюша остановилась в тени за углом.

Пепел был свежий, светлый, ещё тёплый. Он лежал на бетонном полу ровным слоем, и в нём были следы. Маленькие босые пятки, пальцы, пятки, пальцы. Они шли от двери к печи. И обратно не шли.

Геннадий Петрович заметал их. Медленно. Метла шуршала.

— Девять, — сказала Ксюша.

Он обернулся.

— Что ты сказала?

— Девять следов, — сказала она. — Я посчитала. Девять.

Он посмотрел на неё. Потом на пол. Потом опять на неё.

— Иди завтракать, — сказал он.

— Это чьи?

— Ничьи.

— Так не бывает.

— Бывает, — сказал он. — Здесь всё бывает.

Он отвернулся и продолжил мести.

Ксюша пошла к столовой. У тропинки стояла Тамара Ильинична с ведром. В ведре был пепел. Она несла его к реке.

Ксюша пошла за ней.

Она шла тихо, на расстоянии. Тамара Ильинична спустилась по тропинке к воде, наклонилась и высыпала пепел в реку. Пепел не потемнел. Он лёг на воду светлым пятном и

медленно поплыл, кружась.

Вода вокруг пятна стала ещё темнее.

Тамара Ильинична выпрямилась. Постояла. Потом сказала, не оборачиваясь:

— Ты почему не на завтраке?

— Не хочу.

— Надо есть.

— Я не голодная.

Тамара Ильинична повернулась. Улыбнулась.

— Все голодные, — сказала она. — Просто не все знают.

Она прошла мимо Ксюши, задев её белым халатом. От халата пахло чем-то сладким и чистым, как от новорождённого.

Ксюша осталась на берегу.

Река была чёрная. Она всегда была чёрная, даже днём. В ней не отражалось небо. Она просто текла — медленно, как будто ей было лень.

На песке у воды лежало полотенце. Сложенное. Аккуратное. Мокрое.

Ксюша не стала его трогать.

Она вернулась в корпус. Тимур сидел на крыльце с альбомом. Он поднял голову и показал ей рисунок.

На рисунке была печь. Открытая дверца. Внутри — темнота. И в темноте — две маленькие светлые точки. Глаза.

На обратной стороне было написано печатными буквами: «ОН ТАМ ЕЩЁ ГОРИТ».

— Кто? — спросила Ксюша.

Тимур не ответил. Он забрал альбом и ушёл в корпус.

Ксюша стояла на крыльце и считала. Один. Два. Три.

На четвёртом счёте из котельной пошёл дым. Он поднимался вверх, к трубе, и в утреннем свете был похож на палец, который показывает в небо.

А потом дым на секунду пошёл вниз.

Ксюша не стала считать дальше.

2

Двенадцать пар. Аккуратно. Как будто их не украли, а сдали.

Ночь вторая. Четвёртый корпус

Не входи в четвёртый корпус. Он закрыт не потому, что опасен. Он закрыт, потому что помнит.

Правило второе

ДЕНЬ ВТОРОЙ

Штыря разбудили в семь утра, и это было единственное, что ему не понравилось в лагере.

Он вообще не любил, когда его будили. В детдоме подъём был в шесть тридцать, и он за семь лет так и не привык. Он научился просыпаться за минуту до звонка, лежать с закрытыми глазами и ненавидеть всех, кто встаёт.

Здесь звонка не было. Геннадий Петрович просто открыл дверь и сказал:

— Подъём.

Штырь открыл один глаз.

— А если я не хочу?

— Тогда не завтракаешь.

— А если я не хочу завтракать?

— Тогда не обедаешь.

Штырь сел. Геннадий Петрович уже ушёл к следующей комнате.

— Вот же сука, — сказал Штырь с уважением.

Он оделся, сунул ноги в кроссовки и вышел на улицу.

Утро было холодное, серое, с туманом, который лежал на траве, как разлитое молоко. Пахло мокрой землёй и дымом.

Дым тянул от котельной.

Штырь остановился и посмотрел. Труба была холодная, серая, с трещиной. Дыма из неё не шло. Но запах был. Ясный, свежий, как будто кто-то только что закрыл печь.

— Ты чего встал? — спросил Дэн, выходя из корпуса. Он тоже был заспанный, с помятым лицом, но уже злой.

— Дымом пахнет.

Дэн понюхал воздух.

— Не пахнет.

— Тебе не пахнет. А мне пахнет.

— Тебе вообще много чего кажется.

Штырь не ответил. Он смотрел на четвёртый корпус.

Корпус стоял в стороне от остальных, за старым плацем, заросшим одуванчиками. Одноэтажный, длинный, с верандой. Окна были заколочены досками. Доски выглядели новыми — светлее стен, без гвоздей ржавчины. Кто-то заколотил их недавно.

Дверь была закрыта на навесной замок. Замок был старый, но смазанный. Штырь это отметил. Он всю жизнь оценивал замки. У него был талант: он видел, какой замок можно открыть за десять секунд, какой за минуту, а какой лучше не трогать.

Этот замок он мог открыть за пять.

— Не смотри туда, — сказал Дэн.

— Почему?

— Геннадий Петрович сказал.

— Геннадий Петрович много чего сказал.

— Ну и?

— Ну и ничего.

Они пошли на зарядку.

Зарядка была простая: приседания, отжимания, бег вокруг плаца. Геннадий Петрович стоял в центре, в тех же камуфляжных штанах, с термосом в руке, и считал вслух. Он считал так, будто отдавал приказы: «Раз! Два! Три! Не слышу!»

Штырь делал вполсилы. Он смотрел, как остальные стараются. Дэн отжимался зло, до дрожи, будто хотел сломать пол. Рустам делал всё чётко, как робот. Лёха сачковал, но красиво. Тимур делал медленно, но до конца. Марго стояла в стороне с поднятым капюшоном и не делала ничего. Геннадий Петрович не заставлял её.

— Она больная? — спросил Штырь у Вали.

— Она не хочет, — сказала Валя.

— И всё?

— И всё.

После зарядки был завтрак. Каша, чай, хлеб с маслом. Штырь съел всё, потому что в детдоме научился есть быстро и до конца. Потом они пошли разбирать старую раздевалку у плаца.

Работа была бессмысленная: вынести хлам, сложить в ку-

чу, чтобы потом увезти. Хлама было много. Сломанные стулья, лыжи без креплений, коробки с бумагами, которые размокли и слиплись. Пахло пылью и мышами.

Штырь работал в паре с Рустамом. Рустам был спокойный, молчаливый, из тех, кто сначала думает, а потом делает. Он единственный не спросил Штыря, за что тот сидит.

— Ты откуда? — спросил Штырь.

— Из Казани.

— За что?

— За кражу.

— Много украл?

— Три телефона.

— И всё?

— Мне хватило.

Штырь хмыкнул.

— А я из детдома. У нас красть — это не преступление. Это способ выживания.

— А сюда за что?

— За то же самое. Только у нас не было адвоката.

Они вынесли очередную коробку. Внутри что-то звякнуло. Штырь открыл крышку.

Там были ключи. Много ключей. На каждом — бирка с номером. 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12. Двенадцать ключей. И ещё один, тринадцатый, без бирки.

— От чего это? — спросил Рустам.

Штырь взял тринадцатый ключ. Он был холодный.

— От четвёртого корпуса, — сказал он.

— С чего ты взял?

— Потому что двенадцать — это комнаты. А тринадцатый — общий.

Он положил ключ в карман. Рустам сделал вид, что не заметил.

После работы был обед. После обеда — «тихий час», который никто не соблюдал. Штырь лежал на кровати и смотрел в потолок. Дэн спал напротив, раскинувшись, как убитый. Тимур сидел на подоконнике и рисовал. Лёха читал книгу — настоящую, бумажную, с потрёпанной обложкой.

— Что читаешь? — спросил Штырь.

— Чехова.

— На фига?

— Нравится.

— Ты же за наркоту сидишь.

— Я не сижу. Я здесь.

— Один хрен.

Лёха улыбнулся. У него была хорошая улыбка, открытая, и от этого Штырю хотелось его ударить.

— А ты за что? — спросил Лёха.

— Я уже всем рассказал. За кражу.

— А на самом деле?

Штырь посмотрел на него.

— На самом деле — за то, что меня поймали.

Он встал и вышел.

Плац был пустой. Солнце уже пригревало, одуванчики раскрылись, и над ними гудели пчёлы. Штырь дошёл до четвёртого корпуса и обошёл его кругом.

Навесной замок висел на двери. Штырь достал ключ. Он даже не думал, что не подойдёт. Он знал, что подойдёт.

Ключ вошёл легко. Замок щёлкнул.

Штырь стоял секунду, держа дужку в руке. Потом открыл дверь.

Внутри было темно и прохладно. Пахло старым деревом, пылью и чем-то сладким — ванилью? лекарством? Он шагнул внутрь.

Коридор был длинный, с дверями по обеим сторонам. На стенах — выцветшие рисунки: солнце, дети, собака, ракета. Кто-то рисовал их очень давно, и краски выгорели до бледно-жёлтого.

Штырь прошёл по коридору. Двери были открыты. В первой комнате стояли кровати — железные, с панцирными сетками. На кроватях не было матрасов. Только голые сетки.

Он посчитал. Двенадцать.

В углу стояло пианино. Чёрное, с отбитой клавишей. На пианино лежала стопка нот, перевязанная бечёвкой.

На стене висела доска. На доске мелом было написано:

«12 июля.

Все спят».

Штырь подошёл ближе. Почерк был ровный, учительский. Буквы «все» чуть плыли вниз.

Под доской стоял шкаф. В шкафу — книги, журналы, коробка с пуговицами. И ещё одна коробка, поменьше, жестяная, из-под конфет.

Штырь открыл её.

Внутри лежали фотографии. Чёрно-белые, маленькие, с белыми полями. На фотографиях — дети. Двенадцать детей, разного возраста, от девяти до четырнадцати. Они стояли у веранды, щурились, кто-то показывал язык. В центре — молодой парень в солдатской форме, с тонкими усиками.

Штырь перевернул фотографию. На обороте было написано: «Спецгруппа. Июль 1985. Гена».

Он узнал парня. Только старше. Гораздо старше. С белым шрамом через бровь.

Геннадий Петрович.

Штырь положил фотографию в карман. Потом взял ещё одну — ту, где дети стояли у окна, а за стеклом было что-то белое, размытое. Он не стал вглядываться. Тоже положил в карман.

Он уже собирался уходить, когда услышал шорох.

Тихий, в глубине коридора. Как будто кто-то провёл рукой по стене.

Штырь замер.

— Эй, — сказал он. — Кто здесь?

Никто не ответил.

Он пошёл к выходу. Быстро, но не бегом. Он не бегал. В детдоме он научился не бегать. Бегущий всегда выглядит

виноватым.

На пороге он обернулся.

В конце коридора, в темноте, у самой дальней двери, стояла детская фигура. Маленькая, в трусах и майке. Лица не было видно.

— Ты кто? — спросил Штырь.

Фигура не ответила. Она просто стояла.

Штырь вышел и закрыл дверь. Замок щёлкнул. Он пошёл к корпусу и только у крыльца понял, что ключ остался в замке.

Он не вернулся.

НОЧЬ

Вечером они снова собрались в котельной.

Штырь не хотел идти. Он весь день был сам не свой, огрызался, дважды чуть не подрался с Дэном. Но когда Настя сказала «пошли», он встал первым.

Он не собирался рассказывать. Он вообще не любил рассказывать. В детдоме он научился слушать — так безопаснее. Но когда они сели в круг и Дэн сказал «ну, кто сегодня», Штырь услышал свой собственный голос:

— Я.

Все повернулись.

— Только не про печку, — сказал Егор. — Печка уже была.

— Не про печку, — сказал Штырь. — Про корпус.

Он сел на ящик, достал из кармана фотографию и поло-

жил её на колено, лицом вниз. Он не собирался её показывать. Пока что.

— Короче, — сказал он. — Слушайте.

ИСТОРИЯ

Это было в восемьдесят пятом.

Тогда в лагере была смена для обычных детей. Ну, для обычных — это для тех, у кого были родители. А в четвёртый корпус поселили двенадцать человек из детдома. Из нашего детдома, кстати. Из седьмого.

Их называли «спецгруппа». В бумагах это значилось как «группа повышенной педагогической сложности». На деле это значило: двенадцать пацанов, которых никто не хотел брать на лето. Их привезли в конце июня, в закрытом автобусе, с сопровождением. Вожатым к ним поставили молодого парня, Гену. Он только что из армии, двадцать лет, усики, форма с иголочки. Он думал, что справится.

Первые две недели всё было нормально. Дети как дети: дрались, курили за баней, воровали печенье на кухне. Гена их строил, они его доводили, он злился, они ржали. Обычная жизнь.

А двенадцатого июля случилось вот что.

Утром Гена пришёл их будить. Дверь была закрыта изнутри. Он стучал, кричал, никто не открывал. Тогда он выломал дверь.

Внутри было тихо.

Двенадцать кроватей стояли ровно. Одеяла были откину-

ты. Простыни смяты. Подушки ещё хранили форму голов. И все кровати были тёплые.

Он потрогал одну. Тёплая. Как будто человек только что встал.

Но никого не было.

На полу, у двери, стояли двенадцать пар ботинок. Ровно, носками к двери. Аккуратно. Как будто их сняли и поставили.

Гена выбежал на улицу. Окна были закрыты. Стёкла целые. Дверь была заперта изнутри на щеколду. Он сам её выломал.

На стене, у кровати номер один, кто-то процарапал цифру «1». Глубоко, гвоздём.

Двенадцать детей исчезли. Не вышли. Не убежали. Просто перестали быть.

Их искали. Лес прочёсывали, реку проверяли, водолазов вызывали. Ничего. Ни тела, ни одежды, ни следов. Как в воду канули. В буквальном смысле.

Гена после этого месяц не говорил. Совсем. Его увезли в больницу, потом комиссовали. Он вернулся в лагерь через год — уже не вожатым, а сторожем. И остался здесь навсегда.

А на стене четвёртого корпуса через какое-то время появилась вторая цифра. «2». Никто не видел, кто её написал. Просто однажды утром она была.

И знаете, что самое страшное? В детдоме никто не приехал их искать. То есть приехали, конечно, милиция, комис-

сия. Но в детдоме их уже списали. Двенадцать человек — это двенадцать документов. Их подписали и убрали в архив. Как будто их не было.

Я в этом детдоме вырос. В той же группе. В той же комнате. Кровати стояли те же. Двенадцатая всегда была пустая. Нам говорили, что она сломана. Мы в неё не лезли.

А я, короче, спал на одиннадцатой. И ночью иногда слышал, как двенадцатая скрипит. Как будто на неё кто-то садится.

Штырь замолчал.

В котельной было тихо. Даже огонь в печи — а печь сегодня топили, кто-то из мальчишек подкинул дров, — горел без треска.

— И чё? — спросил Егор. — Ты там был? В корпусе?

Штырь посмотрел на него.

— Был.

— И что там?

— Кровати. Двенадцать. Пианино. Доска. На доске написано: «Все спят».

— А дети?

— Не было детей.

— А ты уверен?

Штырь помедлил.

— Я видел кого-то, — сказал он. — В конце коридора. Маленький. В майке. Но я не разглядел.

— Почему не подошёл?

— Потому что я не идиот.

— А чё тогда рассказываешь?

— Потому что это правда.

Он достал фотографию и бросил её в центр круга. Она упала лицом вверх. Двенадцать детей у веранды. Гена с усиками.

Геннадий Петрович.

Все наклонились.

— Это он, — сказала Лиза.

— Он, — сказал Штырь.

— Ему тогда сколько было?

— Двадцать.

— А сейчас?

— Много.

— Он же старый, — сказала Аня. — Ему лет шестьдесят.

— Вот именно, — сказал Штырь. — А фотография восемьдесят пятого года. Сорок лет прошло. А он всё здесь.

Наступила тишина.

— Может, он просто любит это место, — сказала Соня.

— Может, — сказал Штырь. — А может, его это место не отпускает.

В дверях скрипнуло.

Геннадий Петрович стоял на пороге. Он не входил. Просто стоял и смотрел на фотографию в центре круга.

— Где ты это взял? — спросил он.

Штырь не растерялся.

— Нашёл.

— Где?

— В раздевалке. В коробке.

Геннадий Петрович молчал. Лицо у него было как камень. Только шрам побелел ещё сильнее.

— Кто открыл четвёртый корпус? — спросил он.

— Не знаю.

— Я спрашиваю не «кто». Я спрашиваю, зачем.

Штырь встал.

— А вы зачем его закрыли? — спросил он. — Если там ничего нет — чего боитесь?

Они стояли друг напротив друга. Геннадий Петрович был выше на голову и шире в плечах. Но Штырь не отступил.

— Я не боюсь, — сказал Геннадий Петрович. — Я знаю.

— И что вы знаете?

— Что некоторые двери лучше не открывать.

Он посмотрел на фотографию. Потом на Штыря.

— Отдай.

— Не отдам.

— Это не твоё.

— Теперь моё.

Геннадий Петрович сделал шаг вперёд. Штырь напрягся. Дэн тоже встал.

— Геннадий Петрович, — сказал Дэн. — Он не отдаст. Вы же видите.

Геннадий Петрович остановился. Посмотрел на них обоих. Потом на остальных. На Тимура, который рисовал в темноте. На Ксюшу, которая считала. На Аню, которая кашляла в кулак.

— По местам, — сказал он. — Все.

Они не двинулись.

— Я сказал: по местам.

Голос у него был такой, что они пошли.

Штырь шёл последним. У двери он обернулся.

Геннадий Петрович стоял у печи. Он смотрел на огонь. И Штырю показалось, что он шевелит губами. Как будто говорит с кем-то, кого нет.

Или есть.

УТРО

Утром на стене четвёртого корпуса была цифра «2».

Её не было вчера. Штырь готов был поклясться. Он обошёл корпус кругом, когда залезал внутрь, и стена была чистая. Теперь на ней, прямо под окном, кто-то процарапал большую цифру. Глубоко, до кирпича.

Рядом стояли ботинки.

Двенадцать пар. Ровно, носками к двери. Аккуратно. Как будто их сняли и поставили.

Штырь стоял и смотрел.

К ним подошли остальные. Никто не говорил. Даже Егор.

— Это твои? — спросил Дэн.

— Нет.

— А чьи?

— Не знаю.

Штырь наклонился. Внутри каждого ботинка лежал клочок бумаги. Он вытащил первый.

«ДЭН».

Второй.

«КСЮША».

Третий.

«МАРГО».

Четвёртый.

«ТИМУР».

Пятый.

«ЛЁХА».

Шестой.

«НАСТЯ».

Седьмой.

«СОНЯ».

Восьмой.

«РУСТАМ».

Девятый.

«АНЯ».

Десятый.

«ЛИЗА».

Одиннадцатый.

«ПАША».

Двенадцатый.

«ВАЛЯ».

Он посмотрел на ботинки. Их было двенадцать. А их — пятнадцать. Не хватало трёх имён: Гриши, Егора и его самого.

Штырь выпрямился.

— Тут нет моего, — сказал он.

— И моего, — сказал Егор.

— И моего, — сказал Гриша.

Штырь посмотрел на них. Потом опять на ботинки.

— Это значит, — сказал он медленно, — что нас трое лишних. Или что нас ещё не посчитали.

— Или что мы следующие, — сказала Ксюша.

Все замолчали.

В окне четвёртого корпуса, за досками, что-то шевельнулось. Никто не стал смотреть.

Штырь сунул бумажку с именем Дэна в карман и пошёл к столовой. Он шёл быстро, не оглядываясь, и всё время сжимал в кулаке ключ. Ключ был холодный.

Он не заметил, что ключ больше не подходит к замку.

Замок на двери четвёртого корпуса был новый.

Оно сухое только с виду.

Ночь третья. Река

После отбоя не ходить к реке. Вода в темноте не остывает.

Правило первое

ДЕНЬ ТРЕТИЙ

Утром Геннадий Петрович собрал всех у плаца.

Он стоял перед ними без термоса. Впервые без термоса. Руки у него были пустые, и от этого он казался меньше.

— Значит, так, — сказал он. — Ботинки. Кто?

Все молчали.

— Я не буду искать виноватого. Я хочу знать, как вы это сделали. Дверь была заперта. Окна заколочены. Ключ у меня.

— Может, у вас был второй ключ, — сказал Штырь.

— Был. Я его выбросил в реку вчера утром.

— Зачем?

— Затем.

Геннадий Петрович посмотрел на них. У него были красные глаза, как у человека, который не спал.

— Слушайте меня внимательно, — сказал он. — Я здесь не первый год. Я видел разное. Но то, что вы делаете, — это не шутки. Это не прикольно. Это опасно.

— Для кого? — спросил Дэн.

— Для вас.

— А для вас?

Геннадий Петрович не ответил.

— Всё, — сказал он. — Работаем. Воду из реки таскать. Насос сдох, а кухня без воды не может.

— А почему мы? — спросил Егор.

— Потому что вы молодые.

— А вы?

— А я старый. Мне можно.

Он развернулся и пошёл к столовой.

К реке шли вчетвером: Ксюша, Аня, Марго и Тимур. Геннадий Петрович сказал, что больше не надо, ведра тяжёлые. Ксюша взяла два. Аня взяла одно и всё равно шла медленно. Марго шла впереди, с поднятым капюшоном, и несла ведро, не проливая ни капли. Тимур шёл последним, с альбомом под мышкой и ведром в руке.

Тропинка была узкая, заросшая. По сторонам стояли ели, тёмные, с опущенными ветвями. Под ними было сумрачно, как в комнате с задёрнутыми шторами.

— А тут красиво, — сказала Аня.

Ксюша посмотрела на неё.

— Ты чего?

— Не знаю. Красиво. Лес, речка. Как в кино.

— В кино про что?

— Про лето.

Ксюша не ответила. Она считала шаги. Сто двадцать, сто двадцать один, сто двадцать два. На сто тридцать пятом тро-

пинка вышла к воде.

Река была чёрная.

Не тёмная, не синяя, не зелёная. Чёрная, как чернила. Она текла медленно, почти незаметно, и в ней не отражалось небо. Даже солнце не отражалось. Оно просто пропадало, как будто падало в воду и тонуло.

Берег был песчаный, с редкой травой. На песке лежало несколько коряг, выбеленных водой. И у самой воды — полотенце.

Белое. Сложенное. Аккуратное.

Ксюша остановилась.

— Это чьё? — спросила Аня.

— Ничьё, — сказала Ксюша.

— Как ничьё? Оно же лежит.

— Вот поэтому и ничьё.

Марго подошла ближе. Посмотрела на полотенце. Потом на воду.

— Там что-то есть, — сказала она.

— Где?

— В воде. У того берега.

Ксюша посмотрела. У противоположного берега, где река расширялась и уходила в лес, на поверхности было белое пятно. Оно было размытое, нечёткое, как отражение облака. Но небо было чистое.

Пятно было похоже на лицо.

Или не похоже.

— Не смотри, — сказала Ксюша.

— Почему?

— Просто не смотри.

Они набрали воды. Вёдра были тяжёлые, и обратно шли медленно. Ксюша всё время чувствовала спиной, что вода смотрит ей вслед.

У корпуса их встретила Тамара Ильинична.

Она стояла у крыльца, в белом халате, и держала в руках маленький свёрток — белый, аккуратный, перевязанный ниткой.

— Набрали? — спросила она.

— Набрали, — сказала Ксюша.

— Хорошо. Полотенце не трогали?

Ксюша посмотрела на неё.

— Какое полотенце?

— На берегу.

— Нет.

— Молодцы.

Тамара Ильинична улыбнулась и пошла к медпункту. Свёрток она несла в руке, как носят что-то живое.

Аня кашлянула.

— А что у неё в свёртке? — спросила она.

— Не знаю, — сказала Ксюша.

— Может, лекарства?

— Может.

Ксюша знала, что это не лекарства. Она видела, как Та-

мара Ильинична закапывала такой же свёрток вчера. И позавчера.

Она не стала говорить Ане.

ВЕЧЕР

К вечеру погода испортилась.

Небо затянуло, стало серо, и в воздухе появилась та особенная сырость, которая бывает перед дождём. Комары летели гуще. Пахло тиной и мокрой землёй.

В котельной было тепло. Кто-то — Ксюша подозревала Рустама — уже подкинул дров. Огонь горел ровно, и от него на стены ложились длинные тени.

Все были на месте. Даже Марго. Даже Тимур. Аня сидела рядом с Ксюшей, закутавшись в куртку, и кашляла реже, чем днём.

— Ну, — сказал Дэн. — Кто сегодня?

Ксюша хотела сказать «я». Она готовилась весь день. Но когда открыла рот, голос вышел тихим, как будто шёл из-под воды.

— Я.

— Громче, — сказал Штырь.

— Я, — сказала Ксюша.

Она пересела ближе к огню. Свет упал на её лицо, и она зажмурилась.

— Это не страшная история, — сказала она. — То есть страшная. Но не такая, как вы думаете. Тут нет печки и нет детей в корпусе. Тут вообще почти ничего нет. Просто река.

Она помолчала. Посчитала вдохи. Один. Два. Три.

— Короче, — сказала она. — Слушайте.

ИСТОРИЯ

Это было очень давно. Раньше, чем печка. Раньше, чем лагерь. Может, даже раньше, чем здесь была деревня.

В Чёрной Речке жила девочка. Её звали Лида. Ей было двенадцать. У неё были длинные волосы, которые она заплетала в косу, и серые глаза, и привычка считать шаги. Как у меня.

Она любила реку. Не плавать — просто сидеть на берегу и смотреть. Ей казалось, что река её понимает. Взрослые говорили: не сиди у воды, утонешь. А она говорила: я не утону, я умею.

И вот однажды, в июне, она пошла на реку одна. Взяла полотенце, чтобы вытереться. Сложила его аккуратно, вчетверо, как учила мать. И пошла.

Больше её не видели.

Искали долго. Всей деревней. Батогами прочёсывали, сетями тянули. Не нашли. Река была тихая, неглубокая, в ней и взрослому было по грудь. Но Лида исчезла.

Мать Лиды ходила на берег каждый день. Каждое утро. Садилась на песок и ждала. Она приносила с собой полотенце — чистое, сложенное, — и клала рядом с собой. Как будто дочь должна была выйти, вытереться и пойти домой.

Она просидела так всё лето. Осенью её увели. Она не хотела уходить. Говорила: «Она выйдет. Она просто далеко за-

плыла».

А на следующее лето, в июне, на берегу нашли полотенце.

Оно лежало на песке, у самой воды. Белое. Сложенное вчетверо. Мокрое.

Никто не знал, чьё оно. В деревне таких не было. Ни у кого.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.